

Зайцев Б. Три встречи // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1960. 24 января. № 17111. С. 2.

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

(1860 — 29 января — 1960)

Три встречи

29 июня 1899 г. в 2 часа дня Чехов написал сестре Марии Павловне: «Был сейчас молодой Зайцев...» «Меликово очень ему понравилось. Очевидно Меликово очень хорошее и жалко, что мы не запросили за него 40 тысяч или даже 50».

Да, это я ездил в имение Чехова под Москвой — Меликово — по поручению моего отца, по газетному объявлению (выбрал Чехова потому, что любил уже его как писателя и хотел посмотреть) — отец тогда хотел купить имение под Москвой. Это я Чехова в Меликово не застал, к самому Меликову отнесся довольно равнодушно, но все, что в нем было чеховского, начиная с Марии Павловны до матери его Евгении Яковлевны и молодой художницы Хотянецовой, понравилось очень. Пусть даже я почувствовал, что вряд ли мы купим это серенькое имение на равном месте, чуть не среди деревни, без реки. Все таки: после веселого завтрака на террасе с хлопавшей от ветра парусиной, я ходил (из вежливости, от смущения?) с каким-то старостой осматривать владение. Вышел фангелек Чехова-каменец, там было что то вроде вышки, откуда он любил рассматривать звезды. Да еще уток: с тенной аллеей в саду — тоже хорошо. Напоминало декорацию первого действия «Чайки».

Тут же село Меликово. Мы были там. Школу в селе этом выстроил Чехов. Церковь он украсил. (На Пасхальной заутрене он пел в этой церкви, со всей своей семьей, к полному удовольствию мужиков). Крестьян он лечил. Проводили мой не был много раз, все же рассматривал, и в самом деле того, что говорил, было столько почтения и уважения к Чехову... Да, теперь еще больше хотелось его увидеть. Вернувшись, я спросил у Марии Павловны адрес его в Москве. Если в ней была капля наблюдательности, она должна была заметить, что студент этот — поклонник, а не искатель.

И поклонник действительно появился у двери квартиры на Малой Дмитровке, в жаркий солнечный Петров день, и ему отворил худощавый человек в пенсне, с легкими опущенными волосами на голове, с ушками и приятными глазами. Одет он был в коричневый костюм, воротничек пиджака поднят, будто ему холодно и он кутается, а была простота жара. Негромко, басом сказал:

— Пожалуйста, войдите...

И верно, что сразу же очень понравился. Чем именно? Разве это можно объяснить? Выражением глаз, формой лица, улыбкой, вообще всем. Не помню, что я говорил ему о Меликове. Но смущенную мою восторженность он понял так, что Меликово такое особенное, что за него надо просить не 15-20 тысяч, а 40 - 50.

Нет, это была любовь не к Меликову, а к нему самому. Мой грех состоял в том, что напрасно отнимал у него время. Но меня вела любовь — быть может, в ней некое мое оправдание. Любовь привела меня к нему в тот день востологов Петра и Павла, когда по его желанию Мария Павловна и «мамаша» служили панихиду в Меликове по скончавшемуся рабе Божьему Павлу (день имени отца А. П.).

Любовь Марии Павловны к брату собрала все его письма, даже неважные. Но для того и важные. В том же письме от 29 июня есть такая фраза: «Был я сегодня в Ново-Девичьем. Могила отца на крыльях дерном, иконка на кресте облупилась».

Значит, то самое утро, когда я к нему явился, он только что вернулся из Ново-Девичья.

Ему и раньше там нравилось, теперь связывала и моги

глубоко шлону. Жить ему оставалось три года.

Помню живого Чехова, с трудом представляешь себе, что теперь ему было бы ровно сто лет! А между тем это так. Время есть время и остановить его нельзя.

Последний раз я видел живого Чехова в 1903 году, в декабре, в Москве, на собрании литературного кружка «Середа» у писателя Телешова.

Была настоящая московская зима со снегом и морозом. Ваньками на скромных лошадей своих, с ухабами на улицах. Раздеваясь в передней квартиры Телешова, писатели стряхивали с баранчиков или бобровых воротников шуб звезды-снежинки. Леонид Андреев, Бунин, Вересаев, другие. Телешов дружески приветствовал. «Здорово, Леонид!» «Ну как, Иван Алексеевич?» По московскому обычаю почти все целовались. На этот раз собрались на «Среду» больше обычного: ждали Чехова.

Не помню, что в этот вечер читали — возможно, что-нибудь Леонида Андреева. Чехов приехал к ужину, а не к чтению, довольно поздно. Мы толпились, собирались уже рассаживаться за длиннейшим столом с водками, винами, разными грибами, маринованными, икрой, балкалами, колбасами, когда в дверях показалась Книппер. Под руку вела она Антона Павловича. Как он изменился! В Ялте тоже не был силен, все таки спускался в городской сад, пил за столиком красное вино, гулял у моря.

Слабо поздоровались, серо-зеленоватый, со жглой грудью, был он посажен в центре этого стола, на котором все не для него. Он почти и не ел, почти не говорил. Некогда, в 1888 году писал про поэта Плещеева, что он как бы икона, которой жаль за то, что она стара и висела когда-то рядом с чудотворной. (Плещеев стоял с Достоевским на шкафоте, в 1849 г. — в последнюю минуту их помиловали).

Сейчас ему было сорок четыре, по теперешнему чуть ли не молодость, но тогдашнему полная зрелость. Но болезнь придавала оттенок жестости. Не то чтобы старость, но некое отдаление от жизни. И то, как вводила его Ольга Леонардовна, как почтительно перед ним расступились, как сажали на почетное место — все это была именно литературная икона, привезенная в дом Телешова. Только не надо было ей стоять рядом с чудотворной. Она сама за себя отвечает.

Так посетил нас на «Среду» Чехов, молчаливый и полуживой, головой выше всех присутствующих, сам как-то странно отсутствующий, уже чем-то коснувшийся иного.

Может быть, он и сказал с кем-нибудь несколько слов. Для меня же остался безмолвным, приехавшим, посидевшим и скоро так же безмолвно уехавшим, как и явился.

В воспоминаниях Бунина сказано: «Четвертого июля 1904 г. я поехал верхом в село на почту, забрал там газету, письма и завернул к кузнецу перековать лошади ногу». «Я развернул газету, сядя на пороге кузнецовой избы — и вдруг точно ледяная бритва полоснула мне по сердцу».

Бритва эта была — смерть Чехова. В воспоминаниях ничего больше не сказано. Но мне Бунин рассказывал, что потом, всю дорогу назад, погоняя лошадь, он плакал.

Ранним июльским утром, в золоте и голубизне света над Москвой, извозчик вез нас с Арбата на Николаевский вокзал. Шагом поднимался он к Троицким воротам Кремля, через Кутафью башню. Трусой катил мимо Ивана Великого и Чудова монастыря к выезду в Никольские ворота. Железные шины пролетки по громыхивали, я и жена тихо сидели, с красными напухшими глазами. Ехали мы на

Николаевский вокзал встречать гроб Чехова.

Как все это было и скромно, и ненарядно! Самый Ванька, философски подхлестывавший лошадь, булыжные мостовые, невысокие московские дома, встречные домовики, сам Николаевский вокзал, соединявший нас с блистательным Санкт-Петербургом.

Но наверно, Чехову так и полагалось. Он возвращался в родной город столь же ненарядный, простой, естественный и замечательный, каким был.

Встретить его собрались средние русские люди, студенты, барышни, молодые дамы с заплаканными глазами, без генералов и политейестров, без промышленников и банкиров. Были интеллигентные и постарше, но только те, кто просто, сердцем любили и оплакивали его.

Помню и сейчас чувство, с каким поддерживал гроб, когда выносили мы его с Николаевского вокзала на площадь. Некоторое время несли на руках, потом поставили на катафалк. Толпа жетана собралась порядочная. Когда шли по узенькой Доминиковской улице, из подвального этажа высунулся в окошко на уровне готуара портной с истинным и замученным лицом, спросил:

«Генерала хоронят?» «Нет, писателя». «Пи-са-те-ля!»

Этот день так и остался неким странствием — долгим, прощальным, но и светлым, как бы очищающим само горе просветляло.

Путь был далекий, через всю Москву, в Новодевичий монастырь, к Павлу Егоровичу. Из писателей помню только Максима Горького, мрачно шагавшего рядом со мной (летнее время, почти все были в разъезде).

У Художественного театра служили литию. Были литии и в других местах. Все шло медленно, но выходило и торжественное. Солнце сияло, набежали потом тучки, брызнул дождь, несильный, скоро прошел. В Новодевичьем зеленел блескела, перезванивали колокола.

Уходящая туча, капли с дерева, отдельные капли с неба, кусок радуги, пересекавший павилиным хвостом тучу, золото куполов, блеск крепостных, ласточки, прорезавшие воздух, могила, толпа — это и был уход от нас Чехова, упокоение его в том Новодевичьем, куда он ходил из клиники в 97 году, выздоравливая, стоял скромно у стены в храме, слушая службу и пение новодевичьих монашенок.

Бор. Зайцев